

«Ураза» въ Ташкентѣ.

Въ минувшемъ 1319 году магометанской эры (1901 годъ по Р. Х.) первый день мѣсяца Рамадана, въ котораго начинается знаменитый мусульманскій тридцатидневный постъ «Ураза», предшествующій празднику «Байрамъ», палъ на 28 ноября нашего стила. Благочестивымъ мусульманамъ приходилось выполнять свято соблюдаемый постъ этотъ до конца декабря и онъ, такимъ образомъ, почти совпалъ съ нашимъ рождественскимъ. Но постничество мусульманъ въ дни «Уразы» очень оригинально: постановленіями корана правовѣрнымъ запрещено ѣсть и даже пить только при солнечномъ свѣтѣ, т. е. слѣдовательно отъ восхода солнца до его заката. Съ солнечнымъ закатомъ не только разрѣшается трапеза, но и всякія развлеченія. Такое постановленіе религіи заставляеть правовѣрныхъ мусульманъ, сильно проголодавшихся за день, обильно вознаграждать себя ночью, почему въ дни «Уразы» большіе мусульманскіе центры принимаютъ по вечерамъ совершенно своеобразный видъ. Съ наступленіемъ сумерекъ всѣ многочисленныя «ашъ-хане» (харчевня) и «чай-хане» (чайная) ярко освѣщаются, часто разноцвѣтными фонариками, и на большой базаръ, гдѣ онѣ, главнымъ образомъ, сгруппированы, спѣшатъ празднично разодѣтыя толпы народа, стремясь скорѣе утолить свой голодъ, потолкаться между людьми, услышать новости дня и наконецъ насладиться зрѣлищами. Конечно, картина этого оригинального ночного веселья дѣлается особенно интересной въ хорошую погоду.

Въ минувшемъ году декабрь въ Ташкентѣ стоялъ чудный: сухо, термометръ показывалъ днемъ до 15° тепла въ тѣни, ночи тоже совсѣмъ теплыя. Такимъ образомъ погода благопріятствуетъ веселью.

Въ дни «Уразы» особенно интересно проѣхать на большой базаръ—въ этотъ центръ сосредоточенія жизни туземнаго города. Въ узкихъ, многочисленныхъ проходахъ этого грандіознаго базара кипать толпы празднично разодѣтаго народа. «Ашъ-хане» и «чай-хане» ярко освѣщены, частью иллюминированы и всѣ вообще переполнены. Откуда-то слышатся пронзительные звуки трубъ и однообразный бой барабановъ туземной музыки; раздаются также звонкіе раскаты смѣха. Проводникъ объясняетъ, что это

идеть представленіе въ «театрѣ». Отправляюсь туда. Оказывается, толпа собралась около небольшого балаганчика, въ которомъ показывалъ свое искусство туземный фокусникъ; теперь же начнется сейчасъ кукольная комедія. Вхожу посмотрѣть. Какое царствуетъ здѣсь оживленіе! Зрители уже побывали въ своихъ «ашъ-хане» и «чай-хане»: они сыты и теперь мирно, съ дѣтской безпечностью, отдаются веселью. Но представленіе начинается. Вотъ вышли въ комическихъ нарядахъ двѣ сартянки; онѣ что-то быстро топчуть и должно-быть что-либо очень веселое, потому что нетребовательная аудиторія дружно хохочетъ... Затѣмъ выскакиваютъ два толстыхъ сарта—это, какъ мнѣ объясняетъ переводчикъ, мужья ихъ; они сильно размахиваютъ руками, кричатъ и наконецъ вступаютъ между собою въ рукопашную... Зрители въ восторгѣ. Скоро появляется неизбѣжный «аксакаль» (родъ околочнаго) и водворяетъ порядокъ. Послѣ этого представляли еще что-то, но мнѣ было гораздо интереснѣе наблюдать самихъ зрителей, чѣмъ смотрѣть на эти дѣтско-наивныя кривлянья. Но два слова о самомъ «театрѣ». Стѣны его—это куски ярко-узорчатаго ситца, натянутые на четыре жерди; крыша—темный сводъ неба, великолѣпно усѣянный въ этотъ вечеръ звѣздами, изъ которыхъ особенно выдѣлялся, переливаясь всѣми цвѣтами радуги, чудный южный Сиріусъ, вмѣстѣ съ величественнымъ созвѣздіемъ Оріона; занавѣсъ—опять кусокъ яркаго ситца, очень причудливаго узора; освѣщеніе—нѣсколько сальныхъ огарковъ... И несмотря на это убожество народу было полнехонько. И какое разнообразіе типовъ, какое разнообразіе цвѣтовъ одежды и головныхъ уборовъ.. Вотъ на почетномъ мѣстѣ сидитъ старикъ, библейскаго типа, въ яркомъ дорогомъ халатѣ и въ зеленой чалмѣ. Бѣ ему съ почтеніемъ склоняются другіе—видно, что это важное лицо, да и его зеленая чалма это свидѣтельствуесть (чалму зеленого цвѣта могутъ носить только потомки Магомета); затѣмъ цѣлый цвѣтникъ разнообразныхъ халатовъ, съ разнаго-же цвѣта чалмами: преобладаютъ цвѣтныя—красныя, желтыя, синія, но много и бѣлыхъ, ихъ по закону могутъ носить только тѣ счастливыя, которымъ удалось поклониться гробу Магомета. Бѣлая чалма должна разъ въ пять или шесть превышать ростъ ея владѣльца и, представ-

ля изъ себя по магометанскому закону ничто иное какъ саванъ, должна означать, что носитель ея готовъ въ любой моментъ разстаться съ своей жизнью, чтобы чистымъ предстать предъ лицомъ своего праведнаго суди... Всѣ эти пестрыя яркія одежды дѣлають сартовскую толпу очень нарядной даже и вечеромъ.

Насладившись простодушной и заразной вѣселостью зрителей, мы покидаемъ ихъ незатѣйливый театръ и снова попадаемъ въ волну движущагося народа.

Попадается много разныхъ увеселительныхъ балаганчиковъ: въ однихъ показываютъ незатѣйливые фокусы «черной магіи», приводя въ восторгъ посѣтителей; въ другихъ играютъ въ кегли... наконецъ, даже сюда проникъ балаганчикъ съ «грамофономъ» и его гнусливо-дребезжащія звуки притягиваютъ къ себѣ цѣлую толпу искренно удивленныхъ наивныхъ халатниковъ...

Проходи мимо переполненныхъ «чай-хане» видны цѣлые ряды посѣтителей, важно возсѣдающихъ поджавши ноги; они съ удовольствіемъ тянутъ свой «кокъ-чай» (зеленый чай) изъ глиняныхъ чашекъ огромныхъ размѣровъ. Чашки эти не имѣютъ блюдецъ и ручекъ, почему туземцы для питья ставятъ ихъ на пальцы лѣвой руки, въ родѣ того какъ нашъ простой народъ держитъ блюдца.

Виѣстѣ съ народной толпой стремимся далѣе. Вотъ показались многолюдныя «ашъ-хане» (харчевни). Печи въ нихъ открытыя и все, что готовится къ трапезѣ правовѣрныхъ, видно всѣмъ проходящимъ. На желѣзныхъ листахъ жарится жирный пловъ,—это любимое кушанье туземцевъ Средней Азіи; въ кастрюляхъ плаваютъ бараньи пельмени, по сартовски «манту»; жарится шашлыкъ... отъ этой снѣди несется раздражающій запахъ, не особенно пріятный обонянію сытаго, но должно быть неудержимо влекущій къ себѣ проголодавшихся за день мусульманъ... На большихъ лоткахъ навалены груды туземныхъ лакомствъ; тутъ и изюмъ, и шептала, и разныя конфеты, сдѣланныя на бараньемъ салѣ, и другія сласти, на видѣ очень разнообразныя. Но все это стало уже мало удовлетворять вкусъ болѣе состоятельныхъ потребителей и теперь, рядомъ съ туземными лакомствами, видны цѣлые лотки конфетъ русской фабрики «акъ-курганъ», произведенія которой пользуются въ городѣ большимъ спросомъ. Но вотъ рядъ «ашъ-хане» закон-

чился. Далѣе виднѣются цѣлые ряды запертыхъ и неосвѣщенныхъ лавокъ. Оно и понятно. Торговля теперь нѣтъ—народъ собрался сюда, на этотъ центральный, любимый ими базаръ не для дѣла, а только для ѣды и веселья. Потому-то и отперты почти исключительно однѣ чайныя и харчевни. Толпа свободно бродить по всѣмъ ходамъ грандіознаго ярко освѣщеннаго базара; громкій говоръ и смѣхъ; звуки туземной музыки,—все это увеличиваетъ оживленіе.

При такихъ условіяхъ быстро бѣжитъ ночное время и часы показываютъ уже часъ ночи. Толпа начинаетъ убывать. Потоки народа, насытившись и навеселившись, отправляются по домамъ, весело проводя ночь и чувствуя себя вполне счастливыми отъ сознанія и пріятно проведеннаго времени, и исполненія долга по постановленіямъ своей религіи, а также и отъ того, что все это развлеченіе, вся эта «тамаша» стоила каждому очень мало. И особенно пріятно смотрѣть на эту расходящуюся толпу еще потому, что она безусловно трезва. Ни только не видно пьяныхъ, но даже нѣтъ и немного подвыпившихъ,—да на всемъ огромномъ базарѣ, во всѣхъ этихъ «чай-хане» и «ашъ-хане», полное отсутствіе спиртныхъ напитковъ. Народъ веселится чинно, безъ всякихъ скандаловъ и криковъ... Въ этомъ отношеніи сборища мусульманъ хорошій примѣръ нашимъ народнымъ увеселеніямъ.

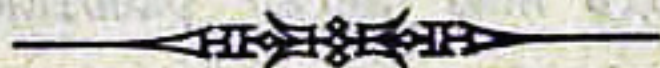
Огни въ разныхъ заведеніяхъ базара начинаютъ постепенно меркнуть, а къ двумъ часамъ ночи все должно быть уже потушено—правовѣрные погружаются въ сонъ...

Такъ своеобразно и весело проходитъ мѣсячный постъ передъ свѣтлымъ праздникомъ «Байрама». Но «Ураза» бываетъ относительно легка только зимою, особенно когда она такая пріятная, какъ стоитъ въ Ташкентѣ въ этомъ году (въ декабрѣ большинство дней температура отъ $+10^{\circ}$ до $+17^{\circ}$ въ тѣни). Совершенно другое лѣтомъ. Длинный день при жарѣ часто болѣе 50° провести безъ ѣды, и особенно безъ питья, очень трудно. Многіе не выдерживаютъ и пускаются на хитрости. Законъ позволяетъ странникамъ бросать постъ послѣ трехъ дней пути. И вотъ слабые духомъ превращаются внезапно въ путешественниковъ... Особенно тяжела «Ураза» для

больныхъ, стариковъ и дѣтей, которые тоже не избавлены отъ выполненія этого религіознаго обряда.

Послѣ «Уразы» съ декабря наступилъ великій, свѣтлый «Байрамъ». Праздникъ этотъ начинается съ той минуты, когда кто-либо изъ правовѣрныхъ увидитъ серпъ новой луны. По календарю минувшаго года декабрьское новолуніе наступило 27-го числа; поэтому съ ночи этого числа мусульманское духовенство особенно внимательно искало появленія радостнаго серпа, вначалѣ едва замѣтнаго, возвѣщающаго окончаніе поста и наступленіе желаннаго праздника. Серпъ молодого мѣсяца долженъ быть, по постановленію религіознаго обряда, найденъ не на небѣ, а на землѣ, въ отраженіи водъ священныхъ прудовъ мечетей. И вотъ когда приближается время новолунія, по берегамъ этихъ священныхъ прудовъ возсѣдаютъ улемы и благочестивые старцы, стараясь не пропустить чуть замѣтнаго серпа новой луны, возвѣщающаго начало великой «ночи всемогущаго», а съ ней и великаго свѣтлаго праздника всѣхъ мусульманъ. И молва говоритъ, что первымъ увидать этотъ новый желанный серпъ удостоивается только особенно благочестивый правовѣрный, по преимуществу изъ побывавшихъ въ священной Меккѣ. Кромѣ славы праведника, этотъ счастливецъ получаетъ иногда отъ состоятельныхъ соотечественниковъ болѣе или менѣе богатые подарки.

Бар. А. Таубе.

Изъ Ташкента въ Смоленскъ.

Послѣ 6-ти-лѣтняго скитанія по Сибири и Туркестану, которые, особенно послѣдній, пришлось мнѣ въ качествѣ завѣдывающего передвиженіемъ войскъ исколесить по всѣмъ направленіямъ, въ ноябрѣ 1901 года я получилъ предложеніе занять мѣсто въ г. Смоленскѣ. Я согласился; изъ далекихъ странъ Азіи тянуло на родину. Но покинуть симпатичный Туркестанскій край, который за три года я успѣлъ искренно полюбить, было жаль. Въ край этомъ русскій человѣкъ чувствуетъ свою силу, свою мощь. Онъ наглядно видитъ плоды своей духовной дѣятельности, онъ видитъ воочию мощь русскаго имени, онъ осязаетъ силу русскаго народнаго духа, успѣвшаго не только покорить эти чуждыя намъ страны, гдѣ издавна царствовали произволъ, насиліе и грабежъ, страны, обитаемыя воинственными народами, наводившими страхъ и ужасъ на своихъ сосѣдей,—но и открыть ихъ для новой русской культуры, культуры гуманной и благодѣтельной. Культура эта полилась въ край широкой и щедрой волной. Черезъ 5 лѣтъ по взятіи Геокъ-Теле (1881 г.) желѣзная дорога на 700 верстъ прорѣзала песчанья пустыни Закаспія, а еще черезъ три года (въ 1888 году) стальная полоса уже связала Закаспійскую область съ Самаркандомъ, т. е. со всѣмъ Туркестаномъ. Въ странѣ водворились безопасность и спокойствіе. По Бухарѣ и Боканду, этимъ бывшимъ грознымъ столицамъ воинственныхъ средне-азіатскихъ ханствъ, русскій, во всякое время дня и ночи, можетъ нынѣ идти одинъ, безъ всякаго оружія, встрѣчая со стороны туземцевъ подобострастный почетъ. Турмены Закаспія, эти бывше грозные «аламанчики» (разбойники), наводившіе ужасъ на сосѣднія провинціи Персіи, подъ вліяніемъ новаго культурнаго вѣянія и новыхъ условій жизни, привитыхъ хлынувшимъ потокомъ русскихъ переселенцевъ, обратились въ мирныхъ скотоводовъ и земледѣльцевъ. Бѣдные аулы Закаспія спустя 20 лѣтъ по занятіи края разрослись въ бойкіе торгово-промышленные пункты. Въ послѣднее время культурный прогрессъ двинулъ страну впередъ еще болѣе широкими шагами. Въ 1898 году Самаркандъ соединенъ желѣзною дорогой съ Андижаномъ и Ташкентомъ, что даетъ выходъ къ морю

хлопковымъ грузамъ богатой Ферганской долины; въ 1900 году открытъ постоянный грандіозный мостъ черезъ р. Аму-Дарью; наконецъ, въ октябрѣ 1901 года заложена оренбургъ-ташкентская магистраль, которая соединитъ скоро непрерывной рельсовой колеей Ташкентъ съ Москвой и Петербургомъ.

Благодаря подобной заботливости русскаго правительства къ нуждамъ новыхъ своихъ подданныхъ, матеріальное благосостояніе ихъ быстро подымается. Пространства орошенной земли возрастаютъ, возрастаетъ также культура цѣнныхъ растений и особенно хлопчатника. Съ поднятіемъ матеріальнаго благосостоянія духовное развитіе туземцевъ увеличилось настолько, что въ 1899 году было признано возможнымъ перейти къ судоустройству, одинаковому съ остальными областями государства.

Все это, конечно, особенно пріятно русскому сердцу и прохаживаясь по городамъ Туркестанскаго края, всегда свѣтло и бодро смотришь впередъ, видя, какой блестящій результатъ, при упорствѣ и трудѣ, подъ управленіемъ ряда талантливыхъ руководителей, можетъ дать въ короткій періодъ времени сила русскаго народнаго генія, культурная мощь его и способность, уважая чужіе нравы и обычаи, постепенно, не ломая ихъ, сходиться съ азіатскими инородцами и ихъ культивировать.

И такъ я покидалъ Туркестанъ съ самымъ свѣтлымъ о немъ воспоминаніемъ.

Въ январѣ пришелъ наконецъ «Русскій Инвалидъ» съ моимъ назначеніемъ. Откомандированіе къ новому мѣсту служенія могло послѣдовать, по служебнымъ причинамъ, не ранѣе марта, пользуясь чѣмъ въ началѣ февраля я отправился проститься съ Ферганой, по которой еще недавно приходилось проѣзжать столько разъ. Выѣхалъ изъ Ташкента 5-го февраля. День былъ чудный, солнце грѣло по лѣтнему и въ тѣни термометръ показывалъ 18° тепла. Почви на деревьяхъ уже сильно набухли, а на улицахъ Ташкента мальчишки-сартята въ изобиліи предлагали букетики крупныхъ душистыхъ фіалокъ. Все это указывало, что весна прочно вступила въ свои права, почему предстоящая поѣздка въ Фергану, лежащую южнѣе Ташкента, была особенно пріятной.

Около 9 часовъ вечера, переѣхавъ рѣку Сыръ-Дарью по огромному желѣзному мосту, поѣздъ врѣзался въ Голодную степь. Я вышелъ на площадку вагона полюбоваться дивной южной ночью и подышать теплымъ воздухомъ. Несется какой-то особенно пріятный свѣжій аромать, вѣроятно, въ степи начинается цвѣсти трава... И невольно любуешься, наблюдая, какъ на темномъ южномъ небѣ горять и переливаются всѣми цвѣтами радуги многочисленные крупныя звѣзды.

Намъ предстояло около двухъ часовъ ночи, окончивъ ташкентскую вѣтвь, повернуть отъ узловой станціи Черняево на востокъ, и съ утра слѣдовать по Ферганской долинѣ на Ыокандъ, Маргеланъ и Андижанъ.

На слѣдующій день рано утромъ изъ оконъ вагона уже развертывалась красивая панорама. Чудный солнечный день, ясное безоблачное небо того особеннаго темно-голубого цвѣта, который только и можно видѣть въ благословенныхъ странахъ юга, нѣжная зелень распускающихся деревьевъ и свѣжій бархатно-зеленый коверъ полей,—чудная картина эта, окаймленная вдали снѣжными хребтами горъ, была особенно жизнерадостна. И любуясь этой дивной картиной, мысль какъ-то невольно переносилась на далекую родину, куда скоро приходилось мнѣ вновь отправиться. Вспоминалось, что вѣдь тамъ теперь картина иная: большая часть поверхности покрыта снѣгомъ, природа несетъ не живительное тепло, а метели и морозы, вмѣсто свѣжихъ зеленыхъ полей увидишь только мрачные сугробы снѣга, да едва замѣтныя среди нихъ бѣдныя деревушки... И невольно любуешься красивой долиной, намъ, русскимъ, теперь принадлежащей. А мысль неудержимо работаетъ и какъ-бы шепчетъ: да, наша русская родина бѣдна и сурова, но эта суровость и эта бѣдность породила нашъ богатырскій, славный и честный народъ, который своею кровію подчинилъ обожаемому Царю своему жителей отъ Балтики до Великаго океана, отъ океана Ледовитаго до Копетъ-Дага и Памира. Онъ не только ихъ подчинилъ, но и влилъ туда новыя культурныя идеи, привилъ законность и порядокъ, поднялъ духовное и развилъ матеріальное благосостояніе... И чуждые намъ прежде народы поняли всю страшную мощь русскаго имени, научились цѣнить

данныя имъ культурныя блага и прославляютъ теперь щедрость и справедливость своего новаго Властителя, «Великаго Бѣлаго Царя», одинаково пекущагося о благѣ всѣхъ своихъ вѣрноподанныхъ. Мысль эта дѣйствуетъ примирительно и теперь еще съ большимъ удовольствіемъ любишь жизнь радостной картиной.

Но уже около 10 часовъ; мы подъѣзжаемъ къ Боканду, къ этой когда-то грозной столицѣ безпокойнаго ханства (1). На перонѣ вокзала разноцвѣтная толпа туземцевъ—тутъ скрещеніе съ поѣздомъ, идущимъ въ Красноводскъ, котораго съ нетерпѣніемъ ожидаютъ мусульманскіе паломники, отправляющіеся на поклоненіе въ Мекку. Ихъ провожаетъ масса родственниковъ и знакомыхъ. Какое оживленіе, какая суета! Какая яркая, пестрая картина: провожающіе для особаго торжества и почтенія къ отъѣзжающимъ, разодѣлись въ свои лучшіе халаты самыхъ яркихъ цвѣтовъ, имѣя на головахъ красивые тюрбаны отъ свѣжно-бѣлыхъ, до темно-синихъ. Все это очень красиво блеститъ подъ южными лучами яркаго теплаго солнца, которое ранней весной здѣсь такъ пріятно.

Но вотъ подходитъ ожидаемый почтовый поѣздъ и вся масса устремляется въ вагоны; тутъ надо много труда желѣзнодорожной администраціи, чтобы водворить порядокъ... Наконецъ, всѣ разсѣлись. Бьетъ третій звонокъ. Свиститъ паровозъ. Поѣздъ медленно трогается, унося благочестивыхъ мусульманъ въ далекое и небезопасное путешествіе, предпринятое съ цѣлью очиститься поклоненіемъ своимъ великимъ святынямъ. Провожающіе молча и долго глядятъ въ слѣдъ уходящему поѣзду и наконецъ, расходятся, оживленно разговаривая.

Въ Бокандѣ не останавливаюсь—былъ уже въ немъ много разъ, да и ѣду теперь только съ цѣлью еще разъ, можетъ быть послѣдній, полюбоваться общей картиной Ферганы.

Черезъ нѣсколько времени отходитъ и нашъ поѣздъ, продолжая путь на Маргеланъ. Опять разстилается та же красивая долина, видна яркая молодая зелень полей и фруктовыхъ садовъ, а вдали искрятся и блестятъ на солнцѣ снѣговыя вершины,

(1) См. «Русск. Инв.» 1901 г. № 36—«Двадцатипятилѣтіе Ферганы».

образуя какъ-бы блестящую раму этой чудной картины.

Около 12 часовъ дня приѣзжаемъ въ Маргеланъ, административный центръ Ферганы. Пользуясь часовой остановкой ѣду покатайся по городу. Онъ весь утопаеъ въ молодой зелени и въ общемъ очень красивъ.

Въ часъ дня поѣздъ отходить далѣе на Андижанъ, конечный пунктъ средне-азиатской магистрали, въ который и приходитъ около 4 часовъ дня. Такъ какъ обратно ѣду только поздно вечеромъ, то отправляюсь еще разъ взглянуть на городъ. Вотъ офицерское собраніе гарнизона, въ которомъ въ минувшемъ октябрѣ мнѣ удалось присутствовать на приѣмѣ военнымъ министромъ знаменитой престарѣлой Курбанъ-Джанъ-Датхи, прославленной въ Ферганѣ «алайской царицы» (1); вотъ бараки стрѣлковаго баталіона, въ которыхъ пролилась кровь русскихъ воиновъ при безумномъ измѣнническомъ нападеніи ночью, въ маѣ 1897 года, толпы фанатиковъ, подъ предводительствомъ минь-тюбинскаго ишана; вотъ и братская могила павшихъ вѣрныхъ слугъ Царя и родины, честно исполнившихъ данную ими присягу!

Но пора возвращаться на вокзалъ. Въ 9 часовъ вечера поѣздъ уноситъ меня обратно въ Ташкентъ.

Въ мартѣ я получилъ, наконецъ, предписаніе отправиться къ новому мѣсту служенія. Приходилось еще разъ, теперь уже послѣдній, проѣхать знакомыя мѣстности средне-азиатской магистрали (2), какъ начальной въ огромномъ маршрутѣ отъ Ташкента до Смоленска.

Самымъ сердечнымъ образомъ простившись съ милымъ ташкентскимъ обществомъ, я, въ 6 час. вечера 17-го марта, уѣхалъ на поѣздъ изъ этой столицы всѣхъ средне-азиатскихъ владѣній Россіи. Покидать край было грустно, — въ немъ жилось такъ хорошо.

Въ 10 час. вечера уже прорѣзали всю Голодную степь, а ночью проѣхали знаменитое ущелье Тамерлана («ворота народовъ»), находящееся въ 12-ти верстахъ за станціей Джизакъ, на 1509-й верстѣ;

(2) См. «Воен. Сб.» 1900 г. № 32—«По средне-азиатской желѣзной дорогѣ» и 1901 г. № 4—«По мургабской вѣтви отъ Мерва до Кушви».

полюбоваться на эти «ворота народовъ» и увидеть еще разъ кирпичную стѣнку съ прикрѣпленнымъ къ ней выпуклымъ красиво-сдѣланнымъ вызолоченнымъ Россійскимъ двуглавымъ орломъ — за ночнымъ временемъ не удалось. А жаль. Вѣдь стѣна эта сдѣлана надъ мраморной доской, водруженной выше древне-мусульманской надписи, гласившей въ высокопарныхъ выраженіяхъ о кровавыхъ минувшихъ событіяхъ; на доскѣ написано:

«Николай II 1895 повелѣлъ
быть желѣзной дорогъ
1898—исполнено».

Скромный памятникъ этотъ еще разъ свидѣтельствуесть о великой культурной побѣдѣ Россіи.

На слѣдующій день (18-го марта), въ 6 ч. утра проѣхали Самаркандъ. Города не видно—онъ расположенъ въ 5-ти верстахъ отъ станціи. Мысленно простился съ этой красивой столицей Тамерлана, вспоминая ея величественные памятники сѣдой старины, во главѣ съ грандіознымъ мавзолеемъ «Гури-Этиръ», въ которомъ и покоится прахъ основателя города, этого грознаго завоевателя Азіи.

Около 10 час. утра на нѣсколько минутъ остановились на станціи Зерабулакъ (1315-я верста); эта станція послѣдняя, со стороны Туркестана, лежащая на русской территоріи, такъ какъ слѣдующая, — Зиадинъ,—лежитъ уже въ Бухарѣ и на перегонѣ Зерабулакъ—Зиадинъ приходится пересѣчь государственную границу Россіи. Станція Зерабулакъ заставляетъ еще разъ вспомнить мощный образъ покойнаго устроителя туркестанскаго края, генералъ-адъютанта К. П. фонъ-Кауфмана, который 2-го іюня 1868 г. на голову разбилъ войска эмира бухарскаго на зерабулакскихъ высотахъ, послѣ чего ханство Бухарское потеряло свою самостоятельность и было поставлено въ вассальное къ Россіи отношеніе.

Проѣхавъ станцію Зиадинъ (1,290 верста), лежащую уже, какъ сказано выше, на бухарской территоріи, поѣздъ остановился у ст. Кермине, вблизи которой, въ мѣстечкѣ Кермине, имѣетъ свою резиденцію нынѣшній эмиръ бухарскій Сеидъ-Абдуль-Ахадъ-ханъ. Неоднократно приходилось мнѣ быть въ гостяхъ у его высочества ⁽¹⁾ и теперь, покидая

(1) См. «Русск. Инв.» 1900 г. № 136: «Въ гостяхъ у эмира бухарскаго»

владѣнія его, вспоминался симпатичный образъ владѣтеля Бухары, сумѣвшаго поставить свое государство въ самыя лучшія отношенія къ Россіи, великой его покровительницѣ. Но поѣздъ трогается, продолжая свой дальнѣйшій бѣгъ на западъ. До Бухары, столицы ханства, остается еще 86 верстъ и три остановки. Около 3-хъ часовъ дня показываются постройки русской Новой Бухары, лежащей въ 12-ти верстахъ отъ туземной Старой Бухары (къ которой ведетъ особая желѣзнодорожная вѣтвь) и поѣздъ скоро плавно останавливается. На перонѣ вокзала масса народа. Сколько разъ мнѣ ни приходилось проѣзжать мимо этой станціи, всегда тутъ настоящая толчея—толкуются не только отъѣзжающіе, но и масса туземныхъ зрителей, пріѣзжающихъ изъ своего города посмотреть движеніе поѣздовъ и поразвлечься. Пользуясь полчасовой стоянкой, я вышелъ на площадь, лежащую около вокзала, и еще разъ любовался видомъ новаго дворца эмира, построеннаго вблизи самой станціи въ красивомъ восточномъ стилѣ.

Но пора садиться въ вагонъ—звучитъ второй звонокъ. Теперь остается проѣхать по бухарской територіи еще пять станцій, чтобы достигнуть рѣки Аму-Дарьи. Селенія бухарцевъ, поля и пастбища попадаютъ все рѣже и рѣже и, наконецъ, поѣздъ втягивается въ пески, которые раскинулись по правому берегу рѣки Аму-Дарьи.

Темнѣетъ, уже почти 7 часовъ вечера. Поѣздъ трогается со станціи Фарабъ (1,077 верста): на этомъ перегонѣ придется пересѣчь рѣку Аму. Сколько десятковъ разъ и по старому огромному деревянному мосту въ 1,242 сажени, и по новому желѣзному гиганту въ 842 сажени приходилось мнѣ переѣзжать эту мощную водную артерію ⁽¹⁾ и каждый разъ разсматривалъ я ее съ особеннымъ интересомъ. Какое теченіе, какіе водовороты! Мечтаешь, какъ поднялся-бы край, если-бы повторились давно-минувшія времена и воды рѣки Аму потекли-бы снова не въ мелководное и далекое отъ культурныхъ странъ море Аральское, а въ море Баспійское!..

Всматриваюсь на югъ и мысленно прощаюсь съ гарнизонами городовъ Берки и Термева, такъ далеко отрѣзанными отъ своей родины, отъ всего имъ

(1) «Русск. Инв.» 1900 г. № 205 и «Воен. Сборн.» 1900 г. № 12.

дорогого и милаго, и на границѣ далекаго Афганистана стоящими на стражѣ, оберегая престижъ Россіи и внося въ эти далекія, полудикія страны свѣтъ

европейской культуры... Но мостъ кончается. По высокой дамбѣ лѣваго берега Аму поѣздъ дѣлаетъ поворотъ, подходя къ станціи Чарджуй (1069-я верста). Виднѣются оговьки этого городка. Въ Чарджуй мнѣ пришлось бывать очень часто; разъ даже пришлось жить безвыѣздно болѣе мѣсяца. Много видѣлъ я здѣсь оригинальнаго и интереснаго, изъ котораго особенно рельефно врѣзалась въ мою память мрачно-кровавое религіозное торжество мусульманъ-шіитовъ въ постъ Ашура, когда многіе изъ фанатиковъ, вспоминая и оплакивая событіе убіенія шаха Гуссейна, производятъ надъ собой варварскія самоистязанія кинжалами, наивно полагая, что этимъ смоютъ свои прегрѣшенія (1). О Чарджуй туземномъ, находящемся во власти бухарскаго правительства, осталось у меня и еще одно воспоминаніе, опять съ мрачно-кровавымъ оттѣнкомъ: въ августѣ того-же 1901 года я видѣлъ казнь бухарскихъ преступниковъ. Пятерыхъ разбойниковъ зарѣзали какъ барановъ, и потомъ тѣла ихъ, для устрашенія обывателей, развѣсили по высокимъ висѣлицамъ.

Положенная стоянка скоро истекла и мы опять мчимся далѣе на западъ. Уже совсѣмъ стемнѣло, 9 часовъ вечера: первыя сутки длиннаго пути прошли вполнѣ благополучно. Раздѣваясь, вспоминаю, что теперь отъ станціи Чарджуй (1,069 вер.) до станціи Репетекъ (1,004 верста), на пространствѣ 65 верстъ мы будемъ прорѣзывать опасныя сплошные пески «Барханы», притомъ сыпучіе, которые въ былое время были совершенно непроходимы, составляя лучшую защиту Бухары отъ нападений воинственныхъ туркменъ. Честь и слава мощи и энергіи генерала Аненкова, побѣдившаго эту преграду и дай Богъ скорѣе увидѣть памятникъ, достойный этого замѣчательнаго человѣка, на возведеніе котораго именно въ Чарджуй послѣдовало уже Высочайшее соизволеніе.

(1) См. «Русск. Инв.» 1901 г. № 184—«Самоистязаніе шіитовъ кинжалами въ постъ Ашура».

Не доѣзжая 2-хъ верстѣ до станціи Репетекъ, вновь пересѣкли границу Бухары (на 1004 верстѣ) и вѣхали въ Закаспійскую область, принадлежащую уже Россіи; завтра утромъ на станціяхъ не увижу болѣе толстыхъ бухарцевъ,—появятся стройные туркмены съ воинственными и гордыми, часто красивыми лицами.

Мѣрное колыханіе вагона легко убаюкиваетъ и засыпая я сожалью, что ночью проѣдемъ весь мервскій оазисъ и мнѣ не удастся еще разъ взглянуть на поэтическія развалины Байрамъ-Али и повидать Мервъ, въ которомъ тоже пришлось не мало поработать на мургабской линіи (1).

На слѣдующій день, 19-го марта, третій день моего путешествія, я проснулся довольно рано. Утро было чудное и солнце ярко свѣтило на безоблачномъ небѣ того особенно темнаго, голубого цвѣта, который оно имѣетъ только въ странахъ юга. Мы подѣзжали къ Теджену (723 верста), проѣхавъ уже отъ Ташкента болѣе тысячи верстѣ. Скоро, недалеко отъ станціи, поѣздъ пересѣкъ рѣку Тедженъ. Небольшая рѣчка эта при проѣздѣ изъ Красноводска въ глубь Туркестана, всегда встрѣчается съ особою любовью—вѣдь это первая на всемъ пути въ 727 верстѣ! Теперь-же вскорѣ послѣ такихъ гигантовъ какъ Сыръ и Аму, Тедженъ не производитъ никакого впечатлѣнія.

Выхожу на станцію. Несмотря на ранній часъ совсѣмъ тепло; въ воздухѣ носится какой-то особенно пріятный ароматъ. Послѣ небольшой остановки поѣздъ продолжаетъ свой пробѣгъ далѣе, у ст. Душаекъ (680 верста) поворачиваетъ на сѣверо-западъ и изъ окна вагона лѣвой стороны видны отроги хребта Копетъ-Дага, составляющаго границу нашу съ Персіей, вдоль которой желѣзная дорога проходитъ почти сотню верстѣ, приближаясь къ ней иногда (напр. у ст. Артыкъ на 608 верстѣ) почти вплотную.

На станціи Баахва, отъ которой идетъ важный путь въ Персію на Мешхедъ, масса народа, причемъ въ толпѣ преобладаютъ персы и частью армяне.

(1) См. «Воен. Сборн.» 1901 г. № 4—«По мургабской вѣтви отъ Мерва до Кушки».

По этому участку пути средне-азиатской желѣз-ной дороги мнѣ также приходилось проѣзжать очень часто для работъ въ управленіи, находящемся въ Асхабадѣ. Особенно помнится та спѣшная работа, которая была вызвана командированіемъ, по Высочайшему повелѣнію, Кавказской стрѣлковой бригады изъ Тифлиса на Кушку, въ январѣ 1900 г. Какой восторженный пріемъ оказали тогда славныя Туркестанскія войска своимъ братьямъ, войскамъ кавказскимъ (1); какое теплое братское чувство объединяло всѣхъ; какое приподнятое и радостное было настроеніе. До сихъ поръ звучать у меня въ ушахъ мощныя, потрясающіе раскаты «ура», вспоминается тотъ неподдѣльный взрывъ восторга, который послѣдовалъ за словами начальника Закаспійской области, поднявшаго на общей братской трапезѣ въ Асхабадѣ первый бокалъ за драгоценное здоровье возлюбленнаго Государя, державною волею Котораго кавказцы двинуты были въ предѣлы Закаспійскаго края.

Время бѣжитъ быстро. Станція минуется за станціей и уже недалеко до Асхабада (520-я верста). Въ 3 часа дня съ лѣвой стороны вагона показываются предмѣстья города, этого административнаго центра огромнаго Закаспійскаго края. Городъ всегда производилъ на меня самое отрадное впечатлѣніе: чистенькій, правильно распланированный, съ широкими улицами, бульварами и хорошенькими домиками, онъ наглядно показываетъ, что, даже въ короткій срокъ, при талантливомъ руководителѣ и энергіи подчиненныхъ, можетъ сдѣлать въ этихъ странахъ русская культура! Какъ-то не вѣрится, что всего 20 лѣтъ тому назадъ здѣсь была пустыня...

Послѣ получасовой стоянки поѣздъ продолжаетъ свой путь. Нѣкоторое время видны улицы города, но скоро по обѣимъ сторонамъ уже тянутся безжизненные мертвые пески.

За Асхабадомъ первыя двѣ станціи мнѣ приходилось посѣщать особенно часто—первая Безмеинъ (499-я верста) и вторая—Геокъ-Тепе (478-я верста). Въ Безмеинѣ происходятъ ежегодно большія посадки и высадки войскъ, прибывающихъ въ лагерь Авъ-

(1) «Рус. Инв.» 1900 г. № 43—«Кавказскіе стрѣлки въ Закаспійской области».

Тепе и уходящихъ изъ него. Въ Геокъ-Тепе же каждый разъ невольно тянуло выйти, чтобы по-смотреть находящійся вблизи станціи красивый «Скобелевскій» музей (1), взглянуть на крѣпость текинцевъ, обогренную русской кровью, и на находящійся внутри ея памятникъ. Поѣздъ на этой станціи стоитъ нарочно 20 минутъ и всегда всѣ проѣзжающіе спѣшатъ взглянуть на музей и вообще увидать вблизи это мѣсто славы Россіи во всей Средней Азіи. И этотъ разъ я опять вошелъ въ давно знакомый до мелочей музей и опять внесъ свое имя въ книгу посѣтителей. Да! Много говорить русскому славное имя Геокъ-Тепе (2), много кровавыхъ картинъ прошедшаго проносится въ умъ, а виднѣющіеся кресты и обширные курганы-могилы указываютъ, что побѣда досталась намъ не дешево и что противникъ умѣлъ за себя постоять. Съ благодарностью воспоминаются наши средне-азіатскіе герои, утвердившіеся на восточномъ берегу Каспійскаго моря и положившіе начало приобщенія Туркменіи къ гуманной русской культурѣ. Побѣда эта, обратившая былыхъ грозныхъ разбойниковъ, наводившихъ ужасъ на всѣ сѣверныя провинціи Персіи, въ мирныхъ скотоводовъ, подняла въ Азіи престижъ Россіи на необыкновенную высоту и произвела подавляющее впечатлѣніе на Персію, которая не смѣла даже вѣрить, что непобѣдимые туркмены побѣждены и замиренны навсегда. Персы съ трепетомъ продолжали ожидать былыхъ грозныхъ набѣговъ. Но шли года—набѣги не повторялись. Съ этихъ поръ Персія навсегда прониклась чувствомъ глубокой благодарности къ Россіи и отношенія между двумя сосѣдними странами стали особенно сердечными.

Толпа пассажировъ спѣшитъ по вагонамъ. Поѣздъ трогается, продолжая свой дальнѣйшій бѣгъ къ Каспійскому морю. Темнѣетъ. Начинается третья ночь путешествія, которое еще далеко не дошло даже до середины. Около часу ночи проѣхали Бизиль-Арватъ (314-я верста), памятный мнѣ тоже неоднократно комисіями по осмотру разнѣ матеріальной части.

(1) Описаніе музея см. «Воен. Сбор.» 1900 г. № 12 «По средне-азіатской желѣзной дорогѣ».

(2) См. «Русск. Инв.» 1901 г. № 9 «Двадцатилѣтіе занятія Туркменіи».

На слѣдующій день, 20-го марта, утро опять было великолѣпное; вдали виднѣлось уже море, сверкая и переливаясь на солнцѣ. Полотно дороги то приближалось къ нему совершенно близко, то нѣсколько удалялось; съ правой-же стороны высились голые утесы хребта «Большіе Болханы». Въ общемъ картина была очень красивая. Скоро показались вдали строенія—мы подъѣзжали къ Красноводску, около станціи котораго въ 11 ч. утра нашъ поѣздъ плавно остановился. Итакъ первая часть моего путешествія окончена—я снова проѣхалъ всю огромную средне-азиатскую магистраль (Красноводскъ—Ташкентъ 1,747 верстъ), еще разъ внимательно просмотрѣлъ ею прорѣзываемыя пустыни, и еще разъ, какъ и всегда послѣ проѣзда по этой линіи, преклонился передъ мощью русскаго народнаго генія, побѣдившаго природу и показавшаго азіатамъ свою культурную силу. Съ сожалѣніемъ покинулъ я свой удобный вагонъ и, окончательно простившись съ линіей, отправился на пристань общества «Кавказъ и Меркурій». Въ этотъ день отходилъ пароходъ «Князь Барятинскій», причемъ до отхода оставалось еще болѣе часа. Поѣхалъ покататься по городу, тоже хорошо мнѣ извѣстному по частымъ встрѣчамъ новобранцевъ.

Дѣлаю послѣдніе шаги на почвѣ Средней Азіи, которую успѣлъ полюбить и которую покидаю съ большимъ сожалѣніемъ.

Дай ей Богъ всякаго благополучія!

Ровно въ 12 часовъ дня (20-го марта) пароходъ «Князь Барятинскій» отвалилъ отъ пристани. Погода, утромъ такая тихая, измѣнилась и задулъ довольно свѣжій вѣтеръ. Красивая картина красноводскаго рейда начала постепенно сглаживаться и вмѣстѣ съ тѣмъ, по мѣрѣ приближенія къ выходу въ открытое море, качка дѣлалась ощутительнѣе. Скоро берегъ Средней Азіи уже сталъ обозначаться на горизонтѣ только одной узкой полоской. Четвертый день пути не обѣщаль особеннаго спокойствія—волненіе все увеличивалось. Пассажиры одинъ за другимъ почувствовали приступы морской болѣзни... всѣ удалились въ каюты.

Ночь была тяжелая.

Только на разсвѣтѣ вѣтеръ сталъ стихать и около 8 часовъ утра 21-го марта вдали показалась очертанія кавказскаго берега. Скоро съ парохода

различили маякъ Баку. Дѣлалось все покойнѣе. Городъ быстро выросталъ передъ нами и въ 10 часовъ утра мы пристали къ пристани, опоздавъ почти на 5 часовъ, что здѣсь довольно рѣдко. Всѣ были очень рады, кончивъ наконецъ этотъ тяжелый переѣздъ.

Съ почтовымъ поѣздомъ въ 8 часовъ утра 22-го марта выѣхалъ я изъ Баку далѣе на сѣверъ. Всѣ поля покрыты цвѣтами, представляя изъ себя красивый пестрый коверъ. Деревья стоятъ въ молодой нѣжной зелени. Съ запада возвышаются Кавказскія горы, съ востока синѣетъ Каспійское море, которое мѣстами подходитъ вплотную къ полотну дороги и которое сегодня опять такъ же бурно, какъ и вчера. Въ 4 часа дня проѣхали городъ Дербентъ, а въ 9 часовъ вечера городъ Петровскъ. Ночью благополучно миновали Терскую область, а утромъ 23-го марта, пересѣвши красивый Терекъ, въѣхали въ область Кубанскую. День былъ чудный. Совершенно тепло. Деревья распустились также, какъ и въ Закавказьи; луга тоже покрыты ковромъ цвѣтовъ. Около 5 часовъ дня переѣхали рѣку Кубань и ночью вступили уже въ область Донскую. Рано утромъ 24-го марта показался Донъ—разливъ его былъ громадный, а картина съ видомъ на Ростовъ очень красивая.

Послѣ довольно продолжительной стоянки въ Ростовѣ, поѣздъ двинулся далѣе на сѣверъ. Тепло, но далеко не такъ, какъ на Кавказѣ. Всюду видны красивыя картины—свѣжія поля, чистыя деревни съ бѣлыми мазанками, многочисленныя церкви. Какъ пріятно все это видѣть послѣ шестилѣтняго скитанія по Азіи! Просто не хочется отходить отъ раскрытаго окна вагона!!

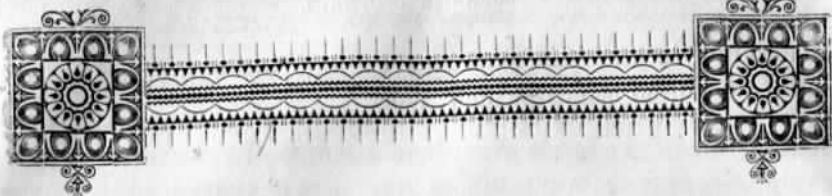
Еъ вечеру пересѣкли сѣв. Донецъ, а на слѣдующій день утромъ пріѣхали въ Воронежъ. Колокольный звонъ его церквей, возвѣщавшій большой праздникъ Благовѣщенія, далеко разносился по чистому воздуху. День хотя и солнечный, но довольно холодный; деревья совсѣмъ не распустились, и въ поляхъ только что начинается зеленѣть травка. Сѣвернѣе Воронежа въ глубокихъ балкахъ началъ уже попадаться снѣгъ, а воздухъ сдѣлался замѣтно холоднѣе. Когда же отъ станціи Грязи повернули на западъ, направляясь къ Смоленску, послѣдніе признаки

весны исчезли, и поля лежали почти сплошь покрыты еще снѣгомъ. И такъ послѣ картины туркестанскаго лѣта и кавказской весны я попалъ всего черезъ нѣсколько дней въ снѣгъ!

■ На слѣдующій день, въ 6 часовъ утра, проѣхали Орель и поздно ночью на 27-е марта прибыли въ Смоленскъ, въ мѣсто моего назначенія. Огромный путь въ 4,500 верстъ былъ законченъ вполне благополучно.

Бар. А. Таубе.

По Средне-Азиатской желѣзной дорогѣ.

Средне-Азиатская желѣзная дорога, начинаясь у Красноводска и оканчиваясь нынѣ въ Андижанѣ, въ 1,900 верстахъ восточнѣ Каспійскаго моря, въ самой глубинѣ Средней Азійи, прорѣзываетъ интереснѣйшія области: Закаспійскую, Самаркандскую, Сыръ-Дарьинскую и Ферганскую, а также Бухарское ханство. Линія эта, съ вѣтвями на Ташкентъ и Кушку, огромной важности и выдающагося интереса; она пробѣгаетъ то по голымъ сыпучимъ пескамъ, въ которыхъ временами видны таинственныя картины миражей; то по мѣстностямъ съ своеобразной и чуждой намъ культурой; то вблизи новыхъ красивыхъ и чистенькихъ русскихъ городовъ; то около остатковъ древнихъ могучихъ центровъ, представляющихъ изъ себя нынѣ грандіозныя кладбища и вмѣстѣ съ тѣмъ памятники давно минувшей культуры. На станціяхъ мелькаютъ типы разнообразныхъ народностей края.

Въ почутныхъ городахъ размѣщены многочисленные гарнизоны русскихъ войскъ, поддерживающіе законность, порядокъ и престижъ русскаго имени. Ежегодно приливаетъ туда много свѣжихъ силъ изъ военно-служащихъ, впервые вступающихъ въ нашу далекую Средне-Азиатскую окраину; ихъ то и желательно намъ, хотя въ общихъ чертахъ, познакомить съ той важной стратегической артеріей, по которой предстоитъ имъ прослѣдовать на службу въ новый край.

Но, можетъ быть, и не собирающимся совершить столь далекое путешествіе будетъ не безынтересно узнать о теперешнемъ

положеніи Средне-Азіатской желѣзной дороги—этой славы и гордости Россіи во всей Средней Азій.

I.

Почти всѣ, ѣдущіе въ Среднюю Азію, переѣзжаютъ черезъ Каспійское море на пароходахъ общества «Кавказъ и Меркурій», которое даетъ военнотрудовикамъ разныя льготы, да и пароходы котораго лучше другихъ. Выйдя изъ Баку вечеромъ, вы уже ранополночью слѣдующаго дня, совершивъ болѣе или менѣе бурный переездъ по нашему капризному «Каспію», замѣчаете вдали полосу берега Средней Азій. Но до Красноводска еще далеко: чтобы попасть въ Красноводскій заливъ, на сѣверномъ берегу котораго расположенъ городъ, надо обогнуть длинную песчаную косу, вслѣдствіе чего пароходъ попадаетъ къ пристани только около десяти часовъ утра.

Уже издали рисуется красивая картина: домики маленькаго городка живописно раскинуты на скатахъ горъ, имѣющихъ красноватый оттѣнокъ, отчего городъ и получилъ свое названіе; вправо (на востокъ), вдоль берега, видны рельсы желѣзной дороги, линіи вагоновъ, а иногда и бѣгущіе поѣзда...

Но, пристань все ближе и ближе... Уже замѣтна суета, обычная передъ приходомъ большаго морскаго парохода: бѣгаютъ рабочіе, суетятся матросы... Наконецъ, пароходъ останавливается и прибывшіе вступаютъ на почву Средней Азій. Какъ же встрѣтить на первыхъ порахъ эта чуждая Азія новаго европейскаго путника, стремящагося водвориться въ ней для работы, для службы? Если вы пріѣхали весною, съ марта и до начала мая, или осенью,—съ половины сентября по ноябрь,—погода, по большей части, чудная, тихая и умѣренно-теплая; пріѣхавшіе же лѣтомъ, т. е. съ половины мая до половины сентября, попадаютъ въ Красноводскъ въ какое то раскаленное пекло. Солнце жжетъ невыносимо, тѣни нѣтъ, море освѣжаетъ мало, а подуетъ вѣтеръ съ горъ—просто нечѣмъ дышать: такъ раскаляются скалы, окружающія городъ.

Но вотъ, сдавъ свой багажъ носильщикамъ—персамъ, вы покидаете пристань и сразу же оказываетесь въ центрѣ городка, на соборной его площади, причемъ на первомъ же шагу, у самой пристани, бросается въ глаза крупная надпись: «Куропаткин-

ская набережная». Это заставляетъ прибывшаго сразу, вступая на почву Закаспія, вспомнить, кому, главнымъ образомъ, область обязана своимъ теперешнимъ благоустройствомъ. Позже, познакомившись съ краемъ, вновь прибывшій много разъ будетъ имѣть случай убѣдиться, съ какой благодарностью здѣсь вспоминаютъ заботы и старанія генерала Куропаткина вызвать Закаспійскій край къ жизни.

До вокзала менѣе полверсты и черезъ нѣсколько минутъ ѣзды передъ вами показывается красивое зданіе въ средне-азіатскомъ стилѣ. Съ высокой верхней площадки открывается дивный видъ на море. Глазъ непривычно пораженъ видомъ линій бѣлыхъ вагоновъ, которые на Средне-Азіатской желѣзной дорогѣ выкрашены въ этотъ цвѣтъ, чтобы хотя немного уменьшить накаливаніе стѣнъ солнечными лучами: вѣдь температура здѣсь доходитъ до 55° R.

Но почтовый поѣздъ отходитъ только въ три часа и времени остается еще много: можно прокатиться для осмотра.

Городъ маленькій; поражаетъ отсутствіемъ всякой растительности и только у военнаго собранія разведенъ небольшой скверъ съ низкими, чахлыми деревьями, хотя, чтобы здѣсь добиться и этого, пришлось на садикъ положить много труда и энергіи: вѣдь лѣтомъ каждое деревцо требуетъ здѣсь особой поливки, а на зиму тщательной защиты отъ стужи. За отсутствіемъ въ городѣ чего-либо интереснаго скоро возвращаетесь на вокзаль. Подается рядъ бѣлыхъ вагоновъ II и III классовъ, перваго же класса на линіи нѣтъ; въ поѣздѣ стоитъ и кухня съ вагономъ-столовой, въ которую много разъ заглянетъ путникъ за время долгаго и утомительнаго, особенно лѣтомъ, пути.

Въ 3 часа дня поѣздъ отходитъ изъ Красноводска, унося прибывшихъ въ глубь Средней Азій.

II.

Первыя 90 верстъ Средне-Азіатская желѣзная дорога идетъ вдоль берега Балханскаго залива. Съ правой (южной) стороны поѣзда море то подходитъ къ самой желѣзнодорожной насыпи, то значительно отступаетъ отъ нея и окончателно теряется изъ виду на 90-й верстѣ, не доѣзжая станціи Ячманъ. Близость моря съ разнообразными очертаніями берега, дѣлаетъ эти первыя версты пути очень красивыми. Съ лѣвой (сѣверной) стороны высется

утесы скалъ хребта «Большіе Балханы»; по мѣрѣ движенія на востокъ хребетъ этотъ нѣсколько уменьшается и наконецъ, между станціями Балла-Ишемъ и Айдинъ, на 160-й верстѣ, повернувъ къ сѣверо-востоку, совершенно отходить отъ желѣзной дороги.

Первая большая станція отъ Красноводска—Джебелъ (124-я верста) заканчиваетъ собою участокъ, построенный еще сравнительно недавно—въ 1896 году. До этого времени тогдашняя Закаспійская военная желѣзная дорога начиналась отъ небольшого порта Узунъ-Ада, неудобства котораго заставили совершенно отъ него отказаться и возвести новый участокъ пути Красноводскъ-Джебелъ; послѣ этого путь отъ Узунъ-Ада былъ разобрать.

Слѣдующая за Джебеломъ большая станція—Кизиль-Арватъ, на 314-й верстѣ. Участокъ Джебелъ—Кизиль-Арватъ, въ 190 в., самый старый изъ всей линіи: онъ былъ построенъ еще въ 1880—1881 гг., входя въ составъ Закаспійской военной желѣзной дороги, начинавшейся, какъ указано выше, въ Узунъ-Ада и оканчивавшейся въ Кизиль-Арватѣ. Участокъ этотъ тянется, какъ и предыдущій, въ юго-восточномъ направленіи и за станціей Балла-Ишемъ, на 160-й верстѣ, въ томъ мѣстѣ, гдѣ Большіе Балханы поворачиваютъ на сѣверо-востокъ, пересѣкаетъ старое русло рѣки Аму-Дарьи («Узбой»), по которому рѣка эта когда-то протекала, пробивая себѣ путь въ Каспійское море.

По мѣрѣ дальнѣйшаго движенія на востокъ и съ правой, южной, стороны пути мѣстность начинаетъ дѣлаться холмистой. Это Малые Балханы, тянущіеся въ видѣ небольшихъ песчаныхъ холмовъ вплоть до Кизиль-Арвата (314-я верста); холмы эти постепенно переходятъ въ сыпучіе пески. На огромномъ пространствѣ не видно тенерь ни деревца, ни жилья: одно безграничное море сыпучаго, мелкаго песку, который мѣстами лежитъ какими то особенно характерными глыбами, напоминающими волны... Тяжелая картина. Но, проѣхавъ и самому повидать эту страшную пустыню высоко-почтительно, невольно проникаешься удивленіемъ къ мощи русскаго народнаго генія, проложившаго желѣзныи путь тамъ, гдѣ прежде, и то съ великимъ трудомъ, проходили развѣ только легкіе туркменскіе наѣзники. Энергія русскаго побѣдила природу и этотъ желѣзнодорожный путь наглядно показываетъ азіатамъ мощь и величіе русскаго имени, водворившаго порядокъ и законность въ странѣ, гдѣ искони, благодаря неуловимости и безнаказанности, царствовали разбойники, подъ именемъ туркменскихъ «аламанчиковъ». Въ этомъ отношеніи самому по-

видать описанные пески очень интересно; жаль только, что почтовый поѣздъ пробѣгаетъ ихъ ночью и они плохо видны. Но, за то, что за величественная картина тихой южной ночи въ пустынѣ...

Небо разукрашено созвѣздіями и жители сѣвера невольно залюбуются непривычной для нихъ яркостью звѣздъ. Да и расположеніе звѣздныхъ группъ нѣсколько иное чѣмъ на сѣверѣ: дивный Оріонъ высоко стоитъ на небѣ и подъ нимъ чудно переливается разноцвѣтными огнями Сиріусъ; наша Большая Медвѣдица какъ то низко присѣла надъ горизонтомъ; виденъ рѣдкій на нашемъ сѣверномъ небѣ Антаресъ...

А поѣздъ мчится все дальше и въ 3 часа ночи минуетъ Кизиль-Арватъ.

III.

Слѣдующій участокъ Средне-Азіатской желѣзной дороги Кизиль-Арватъ—Душакъ, въ 366 верстѣ, построенный въ 1885—1886 гг., имѣетъ, какъ и первые два, общее направленіе на юго-востокъ, образуя съ ними какъ бы одинъ участокъ, длиною въ 680 верстѣ.

У станціи Кизиль-Арватъ (314-я верста) желѣзная дорога приближается къ хребту Копетъ-Дагъ, сѣвернѣе котораго все время и тянется до станціи Душакъ (680-я верста). Хребетъ этотъ, составляющій нашу государственную границу съ Персіей, имѣетъ огромное значеніе: онъ даетъ истокъ многимъ ручейкамъ, образующимся во время дождей въ горахъ, благодаря чему въ пескахъ существуетъ Ахалтекинскій оазисъ. Начинаясь въ Кизиль-Арватѣ и имѣя въ началѣ до 30-ти верстѣ ширины, оазисъ постепенно все суживается, у Асхабада имѣетъ всего 10 верстѣ и оканчивается у станціи Аннау, въ 10-ти верстахъ восточнѣе Асхабада. Такимъ образомъ, дорога тянется Ахалтекинскимъ оазисомъ почти 215 верстѣ.

На другой день послѣ выѣзда изъ Красноводска путешественникъ, проснувшись даже рано утромъ, уже не увидитъ болѣе безотрадныхъ сыпучихъ песковъ. Въ оазисѣ видна зелень, видны аулы туркменъ, видны караваны верблюдовъ, а часто ихъ стада, пасущіяся на свободѣ.

Проѣхавъ по оазису нѣсколько станцій, поѣздъ, въ 9 часовъ утра, подходит къ Геокъ-Тепе...

Много говорить русскому это славное имя, много картинъ прошедшаго проносится у него въ умѣ... Вспоминаются наши среднеазиатскіе дѣятели Столѣтовъ, Маркозовъ, Лазаревъ, Ломакинъ, Скобелевъ, Куропаткинъ, — утвердившіе русское имя на восточномъ берегу Каспійскаго моря и постепенно занимавшіе земли, образующія нынѣшнюю Закаспійскую область... Въ 1880 г. очередь дошла и до Ахаль-Текинскаго оазиса. Скобелевъ въ декабрѣ подводитъ русскихъ богатырей, побѣдившихъ безводную пустыню, къ Геокъ-Тепе, сильной текинской крѣпости, гдѣ храбрый противникъ заперся, рѣшившись дорого продать свою независимость... Начинается кровавая осада. Противникъ обороняется храбро, производитъ отчаянныя вылазки... Но русскій солдатъ, подъ предводительствомъ любимаго героя, стоитъ непоколебимо... Наконецъ, 12-го января 1881 года Геокъ-Тепе палъ въ кровопролитномъ штурмѣ, подъ ударами колоннъ полковниковъ Куропаткина, Гайдара и Козелкова, причѣмъ колонна полковника Куропаткина ворвалась въ крѣпость послѣ взрыва стѣны миной. Весь Ахалтекинской оазисъ, съ главнымъ ауломъ Асхабадомъ, былъ занятъ русскими.

Пока мелькаютъ эти воспоминанія, поѣздъ уменьшаетъ ходъ и, наконецъ, останавливается. Съ лѣвой стороны пути видны огромные, изъ глины, валы крѣпости, а противъ самой станціи красивенькій домикъ, въ которомъ помѣщается «Скобелевскій» музей. Публика, пользуясь 5-ти-минутной остановкой поѣзда, бѣгомъ бросается къ музею и къ крѣпости: всѣмъ хочется во-очію увидеть это выраженіе славы Россіи въ Средней Азій... Старый инвалидъ съ двумя георгіевскими крестами показываетъ музей. Снаружи стоятъ три пушки, взятые у текинцевъ. Внутри рядъ интересныхъ предметовъ: англійская карта Закаспійской области съ собственноручными помѣтками карандашемъ и чернилами самого Скобелева, причѣмъ надпись на этой картѣ, за подписью генерала Куропаткина, удостовѣряетъ, что она служила Скобелеву для работъ по организаціи всего наступленія; карта укрѣпленій Денгиль-Тепе, съ расположеніемъ около нихъ русскихъ войскъ; два большихъ щита съ русскимъ и текинскимъ оружіемъ, употребившимся во время осады и штурма; орудія пытки плѣнныхъ — деревянныя колодки съ желѣзными кандалами; портреты георгіевскихъ кавалеровъ — участниковъ боя и убитыхъ офицеровъ, причѣмъ подъ каждымъ портретомъ, на мѣдной дощечкѣ, написаны ихъ имена и фамиліи; большая картина Сверчкова, изображаю-

щая Скобелева на бѣломъ конѣ, съ энергично протянутой впередъ рукою и рядъ другихъ интересныхъ предметовъ. Но бѣгло осмотрѣвъ музей, мы бросаемся во внутренность крѣпости, которая тутъ же, подлѣ. Вотъ вдали виденъ проломъ въ оградѣ и въ немъ памятникъ: это мѣсто миннаго обвала и штурма полковника Куропаткина. Вправо и влѣво видны такіе же памятники — ими отмѣчены мѣста штурма колоннъ полковниковъ Козелкова и Гайдара. Всѣ три памятника одинаковы: въ кубическихъ кирпичныхъ основаніяхъ, на которыя поставлены усѣченныя пирамиды, вѣданы мраморныя доски съ надписями. Вдали, за миннымъ обваломъ, виденъ высокій курганъ, на которомъ водруженъ крестъ: это братская могила павшихъ русскихъ воиновъ; надпись мраморной доски гласитъ, что погибло девять офицеровъ и 124 нижнихъ чина. Туда, конечно, дойти нѣтъ времени: со станціи уже слышенъ второй звонокъ. Всѣ бросаются къ вагонамъ и едва успеваютъ добѣжать до нихъ, какъ поѣздъ уже трогается. Только изъ окна вагона путникъ разглядываетъ описанный выше кургань-могилу.

До Асхабада остается всего одна станція Безменъ (499-я верста). Станція эта, въ обыкновенное время пустынная и мало-оживленная, живетъ иногда кипучей военной жизнью: она ближайшая къ большому лагерю у Акъ-Тепе, въ которомъ сосредоточиваются войска изъ Мерва и другихъ пунктовъ Закаспійской области. Высадка войскъ, прибывающихъ въ лагерь, и, обратно, посадка отправляющихся по домамъ изъ лагеря, происходитъ именно въ Безменѣ; тогда-то станція оживаетъ: солдатки усердно нагружаютъ вагоны, вводятъ лошадей, накатываютъ на платформы обозъ... слышна музыка пришедшаго баталіона... пѣніе... Словомъ, полное оживленіе. Теперь же, простоявъ двѣ минуты, мчимся далѣе къ Асхабаду, этому административному центру всей Закаспійской области.

Около 11-ти часовъ утра съ правой стороны вагона начинаютъ показываться предмѣстья города; потомъ виднѣются длинныя прямыя улицы, обсаженныя по бокамъ деревьями, и наконецъ, поѣздъ останавливается у станціи. Городъ расположенъ тутъ же, около станціи. Интересно осмотрѣть его. Чистенькій, правильно распланированный, съ широкими улицами-бульварами и хорошенькими домиками, Асхабадъ производитъ очень пріятное впечатлѣніе. На обширной площади, противъ собора, стоитъ высокая колонна, сложенная изъ кирпича, съ надписью: «отъ Ставропольцевъ сво-

нимъ сослуживцамъ, убитымъ во время осады и штурма Ахальтекинской крѣпости, съ 24-го декабря 1880 года по 13-е января 1881 года»; по угламъ памятника четыре пушки. Противъ дома начальника области другой памятникъ, тоже въ видѣ высокой колонны, съ надписью: «Артиллеристы артиллеристамъ, убитымъ и умершимъ отъ ранъ при взятіи штурмомъ Геокъ-Тепе».

На улицахъ разношерстная, галдящая восточная толпа, въ которой особенно много армянъ и персовъ. Вся торговля въ ихъ же рукахъ, и коренные обитатели, — туркмены, почти не живущіе въ городѣ, являются сюда изъ близъ лежащихъ своихъ ауловъ только для работъ. Вообще Асхабадъ городъ живой, торговый и отродно видѣть кипучую жизнь тамъ, гдѣ сравнительно недавно царствовали только грабежъ и насиліе.

Простоявъ у станціи 20 минутъ, поѣздъ трогается далѣе въ томъ же юго-восточномъ направленіи, все вдоль Конеть-Дага, постепенно къ нему приближаясь. За станціей Артыкъ (609-я верста) желѣзная дорога проходитъ всего въ нѣсколькихъ верстахъ отъ персидской границы и ихъ пограничнаго города Лютфабада; отъ станціи Каахка (642-я верста) идетъ важный путь въ Персію на Мешхедъ, а отъ станціи Душакъ (687-я верста) — путь къ персидской крѣпости Келатъ.

У станціи Душакъ кончается общее направленіе пути на юго-востокъ, вдоль границы съ Персіей, и желѣзная дорога, сдѣлавъ крутой поворотъ, отходитъ отъ Конеть-Дага.

IV.

Отъ станціи Душакъ (681-я верста) Средне-Азіатская желѣзная дорога, сдѣлавъ крутой поворотъ на сѣверо-востокъ и бросивъ Конеть-Дагъ, направляется внутрь страны, удерживая указанное направленіе до станціи Маликъ (1243 верста), т. е. болѣе 570 верстъ; этотъ участокъ, вмѣстѣ со слѣдующимъ, доходящимъ до Самарканда, построенъ въ 1886—1888 годахъ.

За станціей Душакъ тянутся верстъ на 35—40 сплошные сыпучіе пески, красноватаго цвѣта, и только у станціи Тедженъ (724-я верста) желѣзная дорога пересѣкаетъ рѣку Тедженъ или Гери-Рудъ. Это, на протяженіи 725 верстъ Закаспійской области, первая рѣка. Но, увы! часто приходилось мнѣ при моихъ проѣздахъ видѣть въ ней полное отсутствіе воды, да и въ полноводіе

рѣка эта течетъ на сѣверъ недалеко за городъ: верстахъ въ 50—60, раздѣлившись на рядъ рукавовъ, она теряется въ пескахъ... Въ верховьяхъ своихъ Гери-Рудъ на большомъ протяженіи орошаетъ Авганистанъ и на берегахъ его расположенъ знаменитый «ключъ къ Индіи» — Гератъ.

За станціей Тедженъ желѣзнодорожный путь, прорѣзавъ небольшой Тедженскій оазисъ въ 80 верстъ длины и отъ 25-ти до 5-ти верстъ ширины, скоро подходитъ къ городу Мерву (843 верста), куда поѣздъ и прибываетъ около 10-ти часовъ вечера. За темнотой, города не видно. Располагающему свободными сутками слѣдуетъ остановиться въ Мервѣ для осмотра не самаго города, гдѣ нѣтъ ничего интереснаго, а его знаменитыхъ въ историческомъ отношеніи окрестностей; для этого даже лучше выдти не на станціи Мервъ, а на слѣдующей станціи Байрамъ-Али (870 верста), около которой лежатъ грандіозныя развалины стараго Мерва. Теперешній же Мервъ, расположенный на обоихъ берегахъ рѣки Мургабъ, не представляетъ, какъ сказано выше, ничего интереснаго; онъ является только весьма важнымъ желѣзнодорожнымъ узломъ, такъ какъ тутъ отъ Средне-Азіатской желѣзной дороги отдѣляется Мургабская вѣтвь, идущая по лѣвому берегу рѣки къ Кушкинскому посту, т. е. къ самой границѣ Авганистана.

Простоявъ въ Мервѣ 20 минутъ, поѣздъ трогается далѣе и въ чертѣ города пересѣкаетъ Мургабъ; это вторая рѣка Закаспійской области. Мургабъ, какъ и Тедженъ, входитъ въ наши предѣлы изъ Авганистана, и также верстахъ въ 40—50 сѣвернѣе города окончательно теряется въ пескахъ. Рѣка эта очень интересна по тѣмъ замѣчательнымъ иригаціоннымъ сооруженіямъ, которыя возведены на ея берегахъ для орошенія Мургабскаго Государева имѣнія, выходящаго на желѣзную дорогу у станціи Байрамъ-Али, на которую и прибываетъ поѣздъ черезъ 45 минутъ послѣ отправленія изъ Мерва. Съ лѣвой стороны пути тянутся обширныя развалины: въ лунную ночь видны башни, видны огромныя мечети... когда-то это была громадная столица, тутъ кипѣла жизнь, боролись народы. Но это было очень, очень давно. Въ IV вѣкѣ до Р. Х. Мервъ завоевалъ Александръ Македонскій; уже тогда онъ имѣлъ до 8-ми верстъ въ окружности. Впослѣдствіи Мервъ разрушали много разъ, но онъ все возрождался и былъ особенно цвѣтущимъ во времена Чингизъ-хана, который, за какую-то смуту въ городѣ, велѣлъ истребить всѣхъ его жителей. Долго не могъ оправиться Мервъ послѣ этого погрома; только въ XV вѣкѣ городъ опять возстановили.

Перехода изъ рукъ въ руки, то къ бухарцамъ, то къ персамъ, то къ хивинцамъ, Мервъ въ концѣ XVIII вѣка былъ окончательно разрушенъ персидскимъ шахомъ Мурадомъ. И теперь еще лежатъ эти интересныя развалины, это грандіозное кладбище, напоминающее о быломъ величіи, о былыхъ временахъ за много, много вѣковъ...

Жаль, что это интересное мѣсто поѣздъ проходитъ ночью; только въ полнолушіе видна часть этой мрачно-величественной картины.

Съ правой стороны пути картина прямо противоположная лѣвой; тамъ трупъ, остовъ, мертвецъ; здѣсь—новое созданіе чело-вѣка, явившееся исключительно благодаря энергіи и упорному труду—это Мургабское Государево имѣніе. Вода, отведенная изъ Мургаба по особому арыку, путемъ ряда гидротехническихъ сооруже-ній, обращаетъ пустынную мѣстность въ обширный садъ съ культурой винограда, хлопка и пр.

Повторяю, остановиться въ Байрамъ-Али и осмотрѣть описан-ное крайне интересно и высоко-поучительно.

Простоявъ на станціи Байрамъ-Али 5 минутъ, поѣздъ продол-жаетъ свой дальнѣйшій бѣгъ, прорѣзывая небольшой Мервскій оазисъ, длиною въ 60 верстъ (съ 842 по 904 вер.), послѣ чего съ 905 версты снова втягивается въ пески, въ началѣ имѣющіе хотя какую-либо растительность въ видѣ саксаула, этого главнаго пред-ставителя песчаной флоры, но постепенно переходящіе въ совершенно голую мѣстность. Отъ станціи Репетекъ (1004 верста) и до Чарджуя (1070 верста), на 66-й верстѣ, идутъ особенно опасныя сплошныя сыпучіе «барханы». Пески эти при путешествіи изъ Красноводска проѣзжаемъ ночью; на обратномъ же пути, при дневномъ проѣздѣ и особенно въ жаркіе дни, здѣсь часто видны эффектныя картины миражей...

Около 4-хъ часовъ ночи третьяго дня пути минуемъ станцію Репетекъ, на перегонѣ за которой пересѣкаемъ границу Закаспій-ской области; слѣдующая станція, Карауль-Кую (1027 верста), находится уже въ Бухарскомъ ханствѣ, т. е. виѣ предѣловъ Рос-сійской имперіи.

Интересъ этого третьяго дня пути начинается уже съ самага ранняго утра: въ 6 часовъ прибываемъ въ городъ Чарджуи и, выйдя тутъ на территорію чужого государства, намъ вассальнаго, сразу же наблюдаемъ совершенно иную картину, чѣмъ первые дни пути. Въмѣсто стройныхъ туркменъ, съ воинственными и гордыми, часто

красивыми, лицами, здѣсь толпятся толстые, обрюзгшіе и некра-сивые бухарцы; тѣмъ не менѣе въ массѣ, подъ южными лучами солнца, толпа эта очень эффектна въ своихъ разнообразныхъ, яркихъ цвѣтовъ, халатахъ.

Простоявъ 20 минутъ, поѣздъ трогается по бухарскимъ владѣ-ніямъ далѣе на востокъ. Слѣдующій очередной перегонъ—Чард-жуй—Фарабъ, всего въ семь верстъ, но поѣзда на пробѣгъ его тратятъ около часа времени. Дѣло въ томъ, что тутъ путь пересѣ-каетъ знаменитую рѣку Аму-Дарью, по огромному деревянному мосту въ 1242 сажени, т. е. въ 2¹/₂ версты... Мостъ этотъ, по-строенный въ 1886 году, теперь уже старъ и ежегодно вызываетъ, при ледоходахъ, опасенія за свою цѣлость. Такъ, въ текущемъ году, льдомъ было сломано много верхнихъ свай, мостъ сильно качался, но тѣмъ не менѣе устоялъ... Впрочемъ, скоро уже этотъ заслуженный «инвалидъ» получитъ, наконецъ, отставку. Саже-няхъ въ ста, ниже по рѣкѣ, высится уже, на половину готовый, красивый, постоянный мостъ, громаднхъ размѣровъ, на камен-ныхъ мощныхъ устояхъ; онъ будетъ окончательно готовъ къ веснѣ будущаго года, когда и закончится служба нынѣшняго.

Но вотъ поѣздъ тронулся отъ Чарджуя. Обыкновенный паро-возъ, вслѣдствіе большой тяжести, опасно пустить по старому мо-сту и его замѣняютъ двумя облегченными паровозами—танкъ (въ общежитіи называемыми «кукушки»), изъ которыхъ одинъ ведетъ поѣздъ спереди, а другой подталкиваетъ сзади. Черезъ нѣсколько минутъ въѣзжаемъ на мостъ и слѣдуемъ по немъ тише обыкнове-наго шага челоуѣка; мостъ жалостно поскрипываетъ... Любуемся величественной картиной огромной рѣки: какаѣ сила теченія, какіе водовороты... жаль только, что вода совершенно грязнаго тем-наго цвѣта.

Аму-Дарья, впадая въ прежнія времена въ Каспійское море, имѣла особенно выдающееся значеніе какъ удобный путь въ Среднюю Азію; теперь же, вливаясь въ мелководное и далекое Аральское море, рѣка сохраняетъ только мѣстное значеніе какъ путь сообщенія съ Петрово-Александровскомъ и съ Хивинскимъ ханствомъ внизъ по теченію, а вверхъ—съ поселками на границѣ Авганистана, занятыми русскими гарнизонами (Керки, Термезъ, Пати-Гиссаръ и проч.). Переѣхавъ Аму-Дарью, остается за Фа-рабомъ всего четыре станціи до Бухары, столицы бухарскаго ханства.

Непосредственно за рѣкой, послѣ нѣсколькихъ песчаныхъ

перегоновъ начинаютъ появляться селенія бухарцевъ, обработанныя поля, сады, стада скота: видна уже культурная жизнь.

Наконецъ, въ 10 часовъ утра поѣздъ останавливается у красиваго вокзала. Города не видно: онъ расположенъ въ 12-ти верстахъ къ сѣверо-востоку отъ станціи, и желающимъ ознакомиться съ этимъ интереснѣйшимъ образчикомъ чисто восточнаго города, до котораго еще мало коснулась европейская культура, надо на сутки прервать свое путешествіе.

Недалеко отъ вокзала, съ лѣвой стороны, высится недавно построенный красивый дворецъ эмира, на который, за 20 минутъ стоянки, можно успѣть взглянуть и вблизи; съ правой же стороны раскинулся русскій городъ Новая-Бухара, вызванный къ жизни устройствомъ станціи. Тутъ находятся таможня, телеграфъ съ почтой, отдѣленіе государственнаго банка и проч.; здѣсь же живетъ нашъ политическій агентъ при бухарскомъ правительствѣ.

За станціей Бухара (1181-я верста) дорога еще 60 верстъ, до ст. Маликъ (1243-я верста), слѣдуетъ въ прежнемъ сѣверо-восточномъ направленіи, послѣ чего вновь поворачиваетъ на юго-востокъ.

V.

Участокъ Средне-Азіатской желѣзной дороги отъ станціи Маликъ (1243-я верста) до Самарканда (1415-я верста), въ 172 версты, имѣетъ юго-восточное направленіе.

Все еще прорѣзываемъ мы территорію бухарскаго ханства; видны обработанныя поля, сады — по вся культура держится здѣсь исключительно на искусственномъ орошеніи арыками, и закройся они — черезъ нѣсколько мѣсяцевъ вся эта цвѣтущая мѣстность обратится въ безплодную пустыню. Оттого-то вдоль всей огромной линіи совершенно не видно ни луговъ, ни лѣсовъ, ни пространствъ, покрытыхъ кустарникомъ, вообще всего, къ чему такъ привыкъ нашъ взглядъ при поѣздкахъ по Россіи. Здѣсь, разъ есть вода — воздѣланъ каждый клочекъ земли; воды нѣтъ — все уныло, безплодно.

Уже отъ ст. Бухара, лежащей на 118 саженихъ выше уровня Каспійскаго моря, начинается сильный подъемъ пути и у Самарканда поѣздъ подымается на уровень 338 саженихъ, т. е. на 233 верстахъ — 220 саж. подъема, или около одной сажени на версту. На перегонахъ этого участка много глубокихъ выемокъ, и въ

зимнее время, въ мятели, случаются большіе снѣжные заносы, почти сплошь ихъ заполняющіе, что дѣлаетъ расчистку пути очень затруднительной.

Станція Зиадинъ (1290-я верста), послѣдняя на бухарской территоріи; на перегонѣ въ Зирабулакъ поѣздъ пересѣкаетъ государственную границу и мы снова выѣжаемъ въ предѣлы Россійской Имперіи.

Проѣхавъ Катты-Курганъ (1342-я верста), небольшой городокъ Самаркандской области, въ 7 часовъ 30 минутъ вечера третьяго дня пути достигаемъ, наконецъ, Самарканда.

Городъ лежитъ верстахъ въ пяти отъ станціи и въ историческомъ отношеніи является наиболѣе интереснымъ мѣстомъ изъ всего Туркестана; для осмотра слѣдуетъ тутъ остановиться, хотя бы на сутки.

Самаркандъ основанъ во II вѣкѣ до Р. Х. — это городъ глубокой древности. Его особенно любилъ грозный Тамерланъ, перенесшій сюда свою столицу; здѣсь еще и теперь въ великолѣпномъ мавзолеѣ «Гури-Эмиръ» покоятся останки этого великаго завоевателя. Рядъ величественныхъ мечетей, медресе (училище), и проч. украшаютъ туземный городъ, крайне интересный для осмотра. Русская же часть представляетъ хотя небольшой, но красивый и бойкій торгово-промышленный пунктъ.

VI.

Отъ Самарканда (1415-я верста) Средне-Азіатская желѣзная дорога до своего конечнаго пункта Андижана (1912-я верста) имѣетъ общее направленіе на востокъ. Участокъ этотъ, законченный въ 1898 году, очень важенъ, соединяя богатую Фергану съ Каспійскимъ моремъ. До станціи Вережкино (1708-я верста) проѣжаемъ по Самаркандской области, а отъ Вережкина до Андижана — по Ферганской.

Поѣздъ отходитъ изъ Самарканда въ 8 часовъ вечера и слѣдуетъ берегомъ Заравшана, черезъ который переходитъ на 11-й верствѣ отъ города по мосту около 60 саженихъ длины. Недалеко отъ него на рѣкѣ устроены сооруженія, регулирующія расходъ воды и отдѣляющія часть воды намъ, на Самаркандскую область, и другую часть на Бухару, которая пользуется почти исключительно заравшанской водой. Закрой мы доступъ ея — Бухарѣ

придется плохо; средство это весьма важно для удержанія въ покорности вассальнаго намъ ханства.

Съ лѣвой стороны пути, не доѣзжая желѣзнодорожнаго моста, обращаетъ особенное вниманіе путника большая арка у самаго берега Заравшана: это остатки моста Тамерлана, состоявшаго ранѣе изъ ряда такихъ арокъ; всѣ онѣ разрушены напоромъ воды и осталась только одна, которая, переживъ вѣка, стоитъ молчаливымъ памятникомъ былого...

Но ступившаяся темнота ночи не позволяетъ далѣе разсматривать попутныя картины. А картины эти выдающагося интереса. Мы ѣдемъ по мѣстностямъ, полнымъ историческихъ воспоминаній: вѣдь это путь великаго движенія народовъ съ востока на западъ.

На 1509 верстѣ (94-я верста за Самаркандомъ и 11-я верста за ст. Милютинской) поѣздъ проходитъ знаменитое ущелье Тамерлана—«ворота народовъ». Сколько племенъ прошло здѣсь, стремясь на западъ! Сколько было тутъ кровавыхъ столкновеній! Сколько бѣдъ, разрушеній и горя несли съ собою эти все сокрушающіе потоки варваровъ!.. Но теперь, по слову великаго сѣвернаго Монарха, великаго Бѣлаго Царя, мчится здѣсь паровозъ, внося въ страны востока не гибель, не разрушеніе—а порядокъ, цивилизацію и прогрессъ. На скалахъ этого ущелья ясно видны характерныя мусульманскія надписи, гласящія, что тутъ, въ 979 г., происходило сраженіе между отрядомъ Абдулла-хана, въ 30,000 человекъ и отрядомъ Дервишъ-хана, въ 50,000 человекъ. Отрядъ Абдулла-хана, одержавъ побѣду, предалъ столькожъ смерти, что отъ людей, убитыхъ въ сраженіи и въ плѣну, въ теченіе одного мѣсяца, на поверхности воды рѣки Джизакской текла кровь.

Надъ этими письменами водружена нынѣ доска, съ надписью:

Николай II

1895 повелѣлъ:

«быть желѣзной дорогѣ»

1898 исполнено.

Надъ доской вѣлана небольшая кирпичная стѣнка, на которой прикрѣпленъ выпуклый, красиво сдѣланный, вызолоченный російскій двуглавый орелъ.

Эта надпись навсегда будетъ свидѣтельствовать азіатамъ, что послѣ всѣхъ этихъ потоковъ народовъ здѣсь, наконецъ, прошли и мы русскіе, но прошли съ мирною цѣлью, съ благодѣяніями для края...

Поѣздъ проходить эту интересную мѣстность около 12 часовъ ночи по мѣстному времени, и въ лунную ночь окрестности хорошо видны изъ окна вагона; хорошо видна и надпись—вагоны проходятъ отъ нея совсѣмъ близко.

За станціей Джизакъ (1522-я верста) начинается «Голодная степь», тянущаяся на сѣверъ и востокъ до р. Сыръ-Дарьи. Степь эта пустынна только лѣтомъ, когда спалена солнцемъ; весною же она покрыта густой травой и представляетъ прекрасное пастбище для кочующихъ киргизъ. Надо надѣяться, что это громадное пространство будетъ орошено и сдѣлается вполне пригоднымъ для культурной жизни многихъ тысячъ переселенцевъ.

Въ 3 часа ночи со станціи Черняево (1605-я верста) поѣздъ поворачиваетъ по Ташкентской вѣтви къ сѣверу; желающіе ѣхать далѣе на востокъ въ Фергану, должны тутъ пересѣсть на другой поѣздъ, отходящій черезъ часъ.

Ташкентская вѣтвь, протяженіемъ въ 42 версты, проходитъ первыя 77 верстъ Голодной степью и переходитъ Сыръ-Дарью по громадному, 160-ти-саженному мосту. За рѣкой начинается культурованная мѣстность Сыръ-Дарьинской области и поѣздъ идетъ среди поселковъ сартовъ, среди фруктовыхъ садовъ, виноградниковъ и бахчей дынь вплоть до самаго Ташкента (1747-я верста), въ который и прибываетъ въ 9 часовъ утра, на четвертый день по выѣздѣ изъ Красноводска.

Чудное зданіе вокзала принимаетъ путешественника, вступающаго здѣсь на почву столицы Туркестана и всѣхъ русскихъ средне-азіатскихъ владѣній.

VII.

Выше было сказано, что на четвертый день пути отъ Красноводска, почтовый поѣздъ въ 3 часа ночи прибываетъ въ Черняево, гдѣ пассажирамъ, ѣдущимъ въ города Ферганской области, предстоитъ пересадка въ другой поѣздъ, отходящій черезъ часъ.

Путь по Ферганѣ пролегаетъ мѣстностью очень богатой хлопкомъ и рисомъ, а фруктовые сады тянутся почти непрерывной вереницей.

Орошеніе полей какъ и въ другихъ мѣстностяхъ края, основано на арыкахъ, т. е. особаго устройства оросительныхъ кана-

вахъ, для пропуска которыхъ черезъ глубокія выемки пути сдѣланъ рядъ сифоновъ.

Въ 75-ти верстахъ отъ Черныяева, около 7-ми часовъ утра мѣстнаго времени, поѣздъ останавливается у перваго города Ферганы — Ходжента (1680-я верста), расположеннаго въ 5-ти верстахъ отъ дороги. Черезъ три станціи далѣе, около 11-ти часовъ утра, поѣздъ подходит къ Коканду (1784-я верста), бывшей столицѣ кокандскаго ханства, въ которомъ особенно замѣчательны по великолѣпной отдѣлкѣ дворецъ прежнихъ хановъ.

Простоявъ 25 минутъ, отправляемся долиной Ферганы далѣе, и около 3-хъ часовъ дня мѣстнаго времени прибываемъ въ Новый Маргеланъ (1858-я верста), главный городъ области и резиденцію Ферганскаго военнаго губернатора. Городъ расположенъ верстахъ въ двухъ отъ станціи, правильно разбитъ и весь въ зелени тутовыхъ деревьевъ.

Черезъ двѣ станціи отъ Маргелана, въ 6 часовъ вечера четвертаго дня пути, прибываемъ, наконецъ, въ Андижанъ, конечный пунктъ огромной средне-азиатской магистрали, отстоящей отъ Каспійскаго моря на 1912 верствъ, и столь извѣстный по печальной исторіи недавняго возмущенія толпы фанатиковъ-сартовъ.

Вообще долина Ферганы очень красива; ѣдешь почти сплошнымъ фруктовымъ садомъ и мѣсть необработанныхъ нѣтъ: такъ обильно стекаетъ вода съ горъ, окружающихъ область. Подъѣзжая къ Андижану попадается много затопленныхъ полей, подготовляемыхъ подъ культуру риса; сидя даже на площадкѣ вагона чувствуешь, несмотря на зной, ихъ пронизывающую сырость, вызывающую лихорадочныя заболѣванія.

VIII.

Вся Средне-Азиатская желѣзная дорога съ вѣтвями имѣетъ протяженіе 2384 версты, изъ коихъ на главную линію Красноводскъ—Андижанъ приходится 1912 верствъ, а на вѣтви Мургабскую—292 версты, Ташкентскую—142 версты и Маргеланскую—8 верствъ.

Линія на всемъ протяженіи имѣетъ одну колею, нормальныхъ размѣровъ. Магистраль проходитъ 1026 верствъ по Закаспійской области, 289 верствъ по владѣніямъ Бухары, 393 версты по Самаркандской области и 204 версты по Ферганской. Слѣдуя до 250

верствъ голыми песками, частью сыпучими, дорога принимаетъ для борьбы съ ними рядъ мѣръ: полотно обсыпаютъ глиной, уширяютъ выемки, сажаютъ по бокамъ саксауль, корни котораго сильно разрастаются. Но борьбу съ песками приходится, главнымъ образомъ, вести при организаціи водоснабженія, такъ какъ на цѣломъ рядѣ станцій, этихъ песчаныхъ раіоновъ, воды совершенно нѣтъ и для питанія паровозовъ, а также для агентовъ дороги, служащихъ на перегонахъ, приходится подвозить ее. И вотъ, наряжаются особые «водяные поѣзда», которые тянутъ вереницу огромныхъ чановъ, останавливаются у всѣхъ путевыхъ казармъ и будокъ, снабжая ихъ, а равно и безводныя станціи, необходимою водою.

Такова наша Средне-Азиатская желѣзная дорога, прорѣзывающая разнообразнѣйшія въ культурномъ отношеніи мѣстности и вдающаяся уже столь далеко вглубь Средней Азіи.

Тен. шт. подполн. бар. Маубе.

